

РАЗРАБОТКА ОТВЕТНЫХ МЕР США НА ПОПЫТКИ КНДР ВЕСТИ ГИБРИДНУЮ ВОЙНУ В 1966–1976 гг.

Д. А. САДАКОВ¹⁾

¹⁾Институт гуманитарных и социальных наук Вятского государственного университета,
ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Россия

Исследуется феномен противостояния США попыткам ведения гибридной войны со стороны КНДР на примере конфликтов в корейской демилитаризованной зоне и в районе северной разграничительной линии в 1966–1976 гг. Также анализируются дальнейшие попытки КНДР добиться изменения статус-кво на Корейском полуострове силовыми методами. Противостояние США и КНДР в этот период имело многомерный характер и включало в себя пропагандистские кампании Пхеньяна, поддержку им левых радикалов в странах Запада, вербовку агентов в Южной Корее. Однако именно в районе 38-й параллели активность КНДР приобрела характер гибридной войны, важным аспектом которой являлось реальное или потенциальное применение военной силы. На разных этапах северяне преследовали разные задачи, однако ключевой целью Пхеньяна оставалось создание условий для вывода американских войск из Кореи. На поздних этапах конфронтации силовые действия КНДР были дополнены настойчивыми попытками провести прямые американо-северокорейские переговоры в целях снижения уровня трений. Рассматриваются особенности восприятия американцами военной активности КНДР в 1966–1976 гг., выявляются шаги Вашингтона по противодействию акциям Северной Кореи. Представлены содержание и обстоятельства разработки Вашингтоном ключевых политических документов того периода. Оценивается роль военной силы в ходе конфликта. Делается вывод о том, что сдерживание КНДР достигалось благодаря проявлению выдержки и применению адекватных ответных мер, которые разрабатывались с учетом локального военного превосходства Пхеньяна в избираемых им зонах конфликта.

Ключевые слова: США; КНДР; корейская демилитаризованная зона; 38-я параллель.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-10179).

РАСПРАЦОЎКА МЕР ЗША Ў АДКАЗ НА СПРОБЫ КНДР ВЕСЦІ ГІБРЫДНУЮ ВАЙНУ Ў 1966–1976 гг.

Д. А. САДАКОЎ^{1*}

^{1*}Інстытут гуманітарных і сацыяльных навук Вяцкага дзяржаўнага ўніверсітэта,
вул. Маскоўская, 36, 610000, г. Кіраў, Расія

Даследуецца феномен супрацьстаяння ЗША спробам вядзення гібрыднай вайны з боку КНДР на прыкладзе канфліктаў у карэйскай дэмілітарызаваанай зоне і ў раёне паўночнай размежавальнай лініі ў 1966–1976 гг. Таксама аналізуюцца далейшыя спробы КНДР дабіцца змены статус-кво на Карэйскім паўвостраве сілавымі метадамі. Супрацьстаянне ЗША і КНДР у гэты перыяд мела шматмерны характар і ўключала ў сябе прапагандысцкія кампаніі Пхеньяна, падтрымку ім левых радыкалаў у краінах Захаду, вербоўку агентаў у Южнай Карэі. Аднак менавіта ў раёне 38-й паралелі актыўнасць КНДР набыла характар гібрыднай вайны, важным аспектам якой з’яўлялася рэальнае або патэнцыйнае

Образец цитирования:

Садаков ДА. Разработка ответных мер США на попытки КНДР вести гибридную войну в 1966–1976 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:58–68.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-58-68>

For citation:

Sadakov DA. Development of the USA responses to North Korean attempts to conduct a hybrid war in 1966–1976. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023; 1:58–68. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-58-68>

Автор:

Денис Андреевич Садаков – кандидат исторических наук; научный сотрудник кафедры истории и политических наук факультета истории, политических наук и культурологии.

Author:

Denis A. Sadakov, PhD (history); researcher at the department of history and political sciences, faculty of history, political science and cultural studies.
rstk2005@gmail.com

применение военной силы. На разных этапах дзеянні паўночнікаў мелі розныя задачы, аднак ключавой мэтай Пхеньяна заставалася стварэнне ўмоў для вываду амерыканскіх войск з Карэі. На пазнейшых этапах канфрантацыі сілавых дзеянні КНДР былі дапоўнены настойлівымі спробамі правесці прамыя амерыкана-паўночнакарэйскія перагаворы з мэтай зніжэння ўзроўню канфлікту. Разглядаюцца асаблівасці ўспрымання амерыканцамі ваеннай актыўнасці КНДР у 1966–1976 гг., выяўляюцца крокі Вашынгтона па процідзеянні акцыям Паўночнай Карэі. Прадстаўлены змест і абставіны распрацоўкі Вашынгтонам ключавых палітычных дакументаў таго перыяду. Ацэньваецца роля ваеннай сілы падчас канфлікту. Робіцца выснова аб тым, што стрымліванне КНДР дасягалася дзякуючы праяўленню вытрымкі і прымяненню адекватных мер, якія распрацоўваліся з улікам лакальнай ваеннай перавагі Пхеньяна ў зонах канфлікту.

Ключавыя словы: ЗША; КНДР; карэйская дэмілітарызаваная зона; 38-я паралель.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 22-78-10179).

DEVELOPMENT OF THE USA RESPONSES TO NORTH KOREAN ATTEMPTS TO CONDUCT A HYBRID WAR IN 1966–1976

D. A. SADAKOV^a

^a*Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University,
36 Moskovskaya Street, Kirov 610000, Russia*

The phenomenon of USA resistance to North Korean attempts to conduct a hybrid war is studied on the example of conflicts in the Korean demilitarised zone and in the area of the Northern boundary line in 1966–1976. The confrontation between the USA and Democratic People's Republic of Korea during this period was multi-dimensional and included such elements as Pyongyang's propaganda campaigns, its support for left-wing radicals in Western countries and the recruitment of agents in the South. However, it was in the area of the 38th parallel that Democratic People's Republic of Korea activity took on the character of a hybrid war, an important aspect of which was the actual or potential use of military force. The North's actions pursued different objectives at different stages, but Pyongyang's key objective remained to create conditions for the withdrawal of USA troops from Korea. In the later stages of the confrontation, the Democratic People's Republic of Korea's forceful actions were supplemented by persistent attempts to get direct USA – North Korean talks to reduce friction. This article examines American perceptions of Democratic People's Republic of Korea military activity during the period under study, identifies Washington's approach to the responses the Americans used to counter North Korean actions, and presents the content and circumstances of key policy documents developed by Washington. The role of military force during the conflict is assessed. It concludes that deterrence of the Democratic People's Republic of Korea was achieved through restraint and the use of adequate responses, which were designed to consider Pyongyang's local military superiority in its chosen conflict zones.

Keywords: United States of America; Democratic People's Republic of Korea; Korean demilitarised zone; 38th parallel.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-78-10179).

Введение

Проблема противостояния гибридным приемам ведения войны в современных международных отношениях является одной из наиболее актуальных. Относительно малоизвестным примером такого противостояния является конфликт в корейской демилитаризованной зоне в 1966–1969 гг. и последовавшие за ним военно-политические кампании, инициированные Корейской Народно-Демократической Республикой. Хронологические рамки исследования завершаются инцидентом с убийством топором¹ в 1976 г., в ходе которого американцы использовали наработки в области организации ответных мер, а власти КНДР продемонстрировали

стремление избежать эскалации напряженности. Реакцию администраций Л. Джонсона, Р. Никсона и Дж. Форда на происходившие события можно рассматривать как один из первых в новейшей истории вариантов сдерживания асимметричных враждебных действий. С приходом в Белый дом в 1977 г. Дж. Картера произошла обычная для американской внешнеполитической практики переоценка инструментария предшествовавшей республиканской администрации, который, тем не менее, оказался востребованным позднее и регулярно актуализировался в политике Вашингтона в отношении КНДР в последние три десятилетия.

¹Инцидент, произошедший 18 августа 1976 г. в корейской демилитаризованной зоне и завершившийся убийством двух американских офицеров северокорейскими солдатами с помощью топоров и дубинок.

Важно учитывать, что противостояние США и КНДР в рассматриваемый период не сводилось исключительно к противоборству сторон в районе демаркационной линии. Однако именно в районе приграничной демилитаризованной зоны действия КНДР (в отличие, к примеру, от пропагандистских кампаний Пхеньяна и поддержки им левых радикалов в странах Запада) приобрели характер гибридной войны, важным аспектом которой являлось реальное или потенциально возможное применение военной силы.

Цель данной статьи – выявить эволюцию подходов США к разработке ответных мер на дестабилизирующие действия Северной Кореи в районе демилитаризованной зоны в 1966–1976 гг. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выяснить, насколько остро и с помощью каких терминов руководство США оценивало характер северокорейской угрозы, определить, какими мотивами руководствовалась американская сторона, принимая те или иные решения, уточнить результаты политики США.

Теоретические основы исследования

В последние годы понятие «гибридная война» часто используется как в СМИ, так и в научных исследованиях. Попытки осмыслить данный вид конфронтации предпринимали и отечественные, и зарубежные ученые. Зарубежные авторы большое внимание уделяют таким аспектам гибридной войны, как многообразие акторов конфликта и используемых ими традиционных и иррегулярных тактик, децентрализация процесса принятия решений, активное применение новых технологий, в том числе информационных, провоцирование политической нестабильности в лагере оппонента [5; 6, р. 7, 14].

Российский исследователь Н. А. Комлева предлагает рассматривать гибридную войну как совокупность действий, направленных на разрушение основных геополитических пространств общества-соперника, т. е. на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия в основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно. По сути, автор приравнивает гибридную войну к холодной, различая их лишь в деталях. К примеру, характерной чертой гибридной войны Н. А. Комлева называет поощрение промискуитета, инцестов и бытовой преступности в стране оппонента [7, с. 130, 132].

Известный российский специалист по изучению гибридной войны П. А. Цыганков называет ее особым типом вооруженных конфликтов, подчеркивая, что от других силовых противостояний он отличается тем, что основан не столько на применении силы, сколько на использовании информации. Особое значение исследователь придает современным тех-

История пограничных конфликтов между КНДР и Республикой Корея на рубеже 1960–70-х гг. затрагивалась в историографии [1–4], однако имеет смысл еще раз обратиться к данной теме с использованием новых архивных документов и проанализировать известные события с точки зрения формирования ответного курса США на гибридные действия оппонента.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные принципы исторической науки – принцип историзма и принцип научной объективности, что предопределило использование разноплановой историографической и источниковой базы. Междисциплинарность исследования обеспечивается применением концепта «гибридная война», получившего распространение в политологии и теории международных отношений в последнее время. Системный анализ международной ситуации вокруг корейского вопроса в 1966–1976 гг. позволил рассмотреть взаимосвязь факторов, мотивировавших политику США в отношении северокорейских попыток ведения гибридной войны.

нологиям, которые становятся средством намеренного искажения информации [8, с. 256; 9, с. 20–21].

В. К. Белозеров и А. В. Соловьев указывают на то, что содержание понятия «гибридная война» зависит от контекста употребления: «В первом случае под гибридной войной можно подразумевать комбинированный вид боевых действий. <...> Во втором случае речь идет о противоборстве между противниками в различных сферах (асимметричной борьбе)» [10, с. 8]. Необходимость выработать единый термин в среде экспертного сообщества отмечают многие отечественные специалисты, например Г. Ю. Филимонов и Н. С. Данюк [9, с. 22–23].

Опыт событий первой половины 2022 г. заставляет обратить внимание на то, что, вопреки отдельным гипотезам, не информационно-психологические операции, а военная сила продолжает играть решающую роль в процессе разрешения гибридных противостояний. Однако ключевые задачи, стоящие перед вооруженными силами обеих сторон в гибридных войнах, часто носят не столько военный, сколько политический характер. Все это может существенно мешать достижению непосредственно военных целей. Кроме того, ограничения, накладываемые на масштаб и способы ведения боевых действий, объясняются в этих условиях не только и не столько традиционными факторами – логистикой, ресурсами, военной целесообразностью и т. д., а искусственными рамками политических и международных аспектов ведения военной операции.

Северокорейский курс, положивший начало конфликту в корейской демилитаризованной зоне

в середине 1960-х гг., был публично обоснован в докладе лидера КНДР Ким Ир Сена на конференции Трудовой партии Кореи 5 октября 1966 г. Руководитель северокорейского государства раскритиковал идею разрядить международную напряженность на каком-либо одном из фронтов противостояния империализму и призвал наносить удары по американским силам по всему миру, заставляя их распылять свои ресурсы, «связывать их по рукам и ногам, чтобы они не могли своевольничать» [11, с. 456–458]. Судя по всему, целями такого курса были дестабилизация ситуации на Корейском полуострове и провоцирование трений США и Южной Кореи. Итогом

данной политики должны были стать вывод американских войск из Кореи, массовые протесты в Южной Корее и объединение страны под эгидой Пхеньяна. Таким образом, предложенная северокорейским лидером стратегия вполне вписывалась в современное определение гибридной войны как комбинированного вида военных действий. Следует подчеркнуть, что действия КНДР в отношении США были частью общей кампании, в равной степени направленной и против Вашингтона, и против Сеула. При этом последний воспринимался в качестве сателлита Соединенных Штатов. Однако предметом данного исследования является именно политика США.

Основная часть

Озвученный Ким Ир Сеном подход проявил себя на практике уже к середине октября 1966 г., когда в результате двух северокорейских рейдов были убиты 17 южнокорейских солдат². Пристальное внимание американцев события в демилитаризованной зоне привлекли во время визита президента США Л. Джонсона в Корею 31 октября – 2 ноября 1966 г. В заключительный день пребывания американского лидера на полуострове произошли сразу два пограничных инцидента, в результате которых погибли один южнокорейский и шесть американских солдат. Реакция США была сдержанной. Американцы лишь инициировали расследование через механизмы Военной комиссии по перемирию в Корее. В результате был сделан вывод о том, что нападение могло носить ответный характер на несанкционированный командованием ООН рейд южнокорейских военных против северокорейского аванпоста 26 октября 1966 г.³ [12, р. 25–26].

Между тем безвозвратные потери обеих сторон в пограничных инцидентах только за октябрь 1966 г. превысили аналогичный показатель за 1961–1965 гг.⁴ По мнению Госдепартамента США, Пхеньян намеренно шел на обострение ситуации. Северяне активно использовали инфильтрационные тактики и без колебаний применяли оружие в пограничных столкновениях. Американцы видели прямую связь между этой политикой и участием США и Республики Кореи во Вьетнамской войне⁵.

В 1967 г. нападения продолжились. Северокорейская береговая батарея 9 января 1967 г. без предупреждения уничтожила южнокорейское военное

судно с 40 моряками на борту. После этого на всем протяжении линии разграничения усилились столкновения⁶. Обе стороны допускали постоянные нарушения отдельных положений соглашения о перемирии. Доходило до того, что корейские офицеры хватались за пистолеты во время заседаний Военной комиссии по перемирию. Северяне пытались ограничивать работу членов наблюдательной комиссии нейтральных стран, даже если те представляли социалистические страны⁷.

Глава миссии КНДР в Военной комиссии по перемирию генерал Пак Чун Гук 1 июня 1967 г. в частной беседе с главой чехословацкой миссии в Наблюдательной комиссии нейтральных стран генералом В. Томаном поделился планами северян по восстанию единства Кореи и признал, что главное внимание в тот момент уделялось созданию широкой подпольной организации в Южной Корее. Перед ней ставилась задача накапливать силы и не проявлять активность. В благоприятной ситуации данная организация должна была поднять восстание, арестовать командный состав сеульского гарнизона, захватить радиостанцию и обратиться к КНДР за помощью⁸.

В середине 1967 г. в беседе с послом СССР в КНДР Н. Г. Судариковым Ким Ир Сен подчеркнул, что ему не хотелось бы, чтобы существовало «недоразумение в отношении того, будто КНДР хотела бы, чтобы Советский Союз столкнулся с США»⁹. Однако уже в ноябре 1967 г. министр иностранных дел КНДР Пак Сен Чер во время разговора со своим коллегой А. А. Громыко в Москве, мягко зондируя позицию СССР

²Korean Peninsula Clashes (1955–2010) [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

³Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1 / ed. by K. L. Gatz. Washington : United States Government Printing Office, 2000. P. 205.

⁴Korean Peninsula Clashes (1955–2010) [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

⁵Foreign Relations of the United States. 1964–1968... P. 464–465.

⁶Арх. внеш. политики Росс. Федерации (АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 5. Л. 25–26, 47 ; Там же. Д. 3. Л. 13–14.

⁷Там же. Д. 5. Л. 149–150.

⁸Там же. Л. 151.

⁹Там же. Д. 6. Л. 34.

по вопросу о возобновлении военных действий в Корее, отметил, что в случае новой войны в Корее, к которой стремятся американские империалисты, тяжесть ляжет и на плечи СССР. Он указал на то, что, хотя КНДР не собирается нападать на Южную Корею, а США заняты во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, сохраняется опасность того, что мелкие столкновения вдоль 38-й параллели могут в любой момент перерасти в крупномасштабный конфликт. «Если бы было совершено нападение с юга, КНДР ответила бы контратакой¹⁰», – подчеркнул министр¹¹.

В 1967 г. нападения продолжились. При этом, как отмечает В. Джексон, выбор целей носил подчеркнуто антиамериканский характер. К примеру, в мае северяне совершили нападение на казармы, принадлежащие армии США, в ходе чего были убиты двое военнослужащих. Прямых ответных действий со стороны Вашингтона вновь не последовало [12, р. 27; 13, р. 535]. Сам Ким Ир Сен отрицал причастность КНДР к организации провокаций, настаивая на том, что все действия его военных носили оборонительный характер, а рост напряженности в регионе инициирован действиями Пак Чон Хи¹².

В подготовленной к концу 1967 г. экспертной оценке представители американского разведывательного сообщества высказывали мнение о том, что рост активности КНДР связан со стремлением нарастить давление на правительство президента Республики Кореи Пак Чон Хи, связать значимые южнокорейские военные силы и усилить коммунистическое подполье в Южной Корее. Что касается выбора момента для претворения данного плана в жизнь, то разведчики видели прямую связь между событиями в Корее и Вьетнамской войной. При этом в Вашингтоне считали, что КНДР действует по собственной инициативе, а не под давлением Москвы или Пекина. В этих условиях риск эскалации или полномасштабного вторжения в Южную Корею оставался невысоким. Более опасным был потенциальный рост напряженности до того уровня, при котором власти Республики Кореи могли счесть необходимым нанести самостоятельный удар возмездия¹³.

В итоге, несмотря на резкий рост числа пограничных инцидентов и связанных с ними человеческих жертв в 1966–1968 гг., ответная реакция США сводилась к сбору информации и ограниченному ме-

рам по наращиванию способностей южнокорейской армии и коалиции ООН противостоять диверсиям Северной Кореи¹⁴ [12, р. 27–28]. Это не только не помогало сдерживать новую угрозу, но и давало простор для увеличения количества и масштаба провокаций коммунистов.

Ставки были подняты в начале 1968 г., когда власти КНДР попытались осуществить рейд спецназа в целях убийства Пак Чон Хи¹⁵, а затем захватили находящийся в нейтральных водах американский разведывательный корабль «Пуэбло». Инцидент с захватом корабля неоднократно рассматривался в историографии. По сути, он застал американцев врасплох. Первоначально Вашингтон в своих оценках и решениях руководствовался в большей степени логикой холодной войны. Однако в итоге администрации Л. Джонсона удалось отринуть эти шоры до того, как конфликт перерос в полномасштабное вооруженное противостояние, а негласный советско-американский диалог стал решающим фактором в урегулировании конфликта. Он позволил снизить уровень напряжения и развеять опасные интенции в руководстве США и КНДР. Переговоры в целях освобождения моряков продолжались почти год. Участие Москвы в урегулировании конфликта, по сути, свело требования северян к возможности сохранить лицо. Советский Союз разрушил надежды Пхеньяна на поддержку Москвой потенциального военного сценария объединения Кореи и оказал на КНДР давление, которое бросило тень на дальнейшие двусторонние отношения. О реальном восприятии ситуации с кораблем советскими дипломатами косвенно можно судить по мемуарам А. Ф. Добрынина, где он охарактеризовал действия властей КНДР как захват заложников¹⁶. Американцы были вынуждены пойти на уступки, подписав затребованный северянами документ, однако вынужденные извинения были дезавуированы сразу после окончания процесса передачи экипажа [14–17].

Освобождение моряков не позволило избежать травмирующего психологического эффекта, оказанного на американский истеблишмент. Сдача корабля без единого выстрела не допускалась капитанами американского военного флота с 1807 г.¹⁷, а США оказались в ситуации, при которой почти год ничего не могли сделать с тем, что их граждане фактически удерживались в заложниках враждебным государ-

¹⁰Стоит учитывать, что, по официальной северокорейской версии, нападение КНДР на Южную Корею в 1950 г. являлось именно контратакой.

¹¹АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 3. Л. 93–96.

¹²Там же. Д. 5. Л. 137–138.

¹³Foreign Relations of the United States. 1964–1968... P. 282–283.

¹⁴Ibid. P. 308–309 ; Dean Rusk interviewed by Richard Rusk [Electronic resource]. URL: <https://scfind.libs.uga.edu/scfind/view?docId=ead/RBRL214DROH.xml;brand=default> (date of access: 13.10.2022).

¹⁵Ibid.

¹⁶Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М. : Автор, 1996. С. 470.

¹⁷Речь идет о захвате американского фрегата «Чесапик» британским кораблем «Леопард» 22 июня 1807 г.

ством. Подписанные американцами «извинения» были юридически ничтожными, однако являлись зримой и вынужденной уступкой США в ответ на требования северян.

Спустя несколько месяцев после освобождения захваченных моряков Вашингтон столкнулся с новым опасным инцидентом: 15 апреля 1969 г. пара северокорейских истребителей МиГ-21, находясь в 167 км от северокорейского побережья над акваторией Японского моря, перехватила и сбила американский самолет-разведчик ЕС-121. Жертвой инцидента стал 31 американец. Реакция США вновь была крайне сдержанной. Вашингтон ограничился лишь «грозным» заявлением, адресованным Военной комиссии по перемирию. В этом случае американцев не ограничивал фактор заложников, однако военные последствия неконтролируемой эскалации были оценены как слишком серьезные. Кроме того, возможная силовая акция не встретила бы поддержки со стороны американского общественного мнения, как огня боявшегося открытия второго фронта в Азии на фоне истощающей Вьетнамской войны. Наконец, удары по КНДР могли помешать Парижскому мирному договору. Высокорискованная операция в Корее, очевидно, не могла принести результата, который окупил бы затраченные на нее ресурсы¹⁸. Ни президент США Р. Никсон, ни его помощник по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер не были довольны исходом кризиса. С точки зрения Г. Киссинджера, Вашингтон действовал слабо, нерешительно и дезорганизованно. Р. Никсон считал ошибочным отказ от бомбардировки территории КНДР и требовал от своей администрации, чтобы подобные провокации северян более никогда не сошли им с рук [18, р. 321; 19, р. 385, 602].

Руководство СССР узнало об инциденте из сообщений зарубежных СМИ¹⁹. В ходе двусторонних консультаций министр иностранных дел КНДР описал ситуацию с подкупающей простотой: «Когда наши летчики сбили самолет агрессора, вторгшийся в воздушное пространство КНДР, они не думали

о дальнейшем развитии событий. Мы тоже не думали об этом. Если бы мы стали думать, то нам пришлось бы просить самолет улететь подальше»²⁰.

В Москве с недоумением восприняли этот комментарий²¹. Озабоченность ростом военной напряженности в регионе и возможными ответными действиями США была высокой. Действия Пхеньяна подверглись осторожной критике в форме призывов к сдержанности и необходимости использовать политические и дипломатические средства для «разоблачения» американцев²². Посол СССР в КНДР Н. Г. Судариков в беседе с министром иностранных дел Северной Кореи Пак Сен Чером подчеркнул: «Когда противник совершает прямую агрессию, мы ее всегда отражаем. Но если имеется возможность избежать военных действий, есть другие средства решения проблем – их нужно использовать. По-иному думают и действуют только нынешние китайские руководители»²³.

Уже 16 апреля 1969 г. советские дипломаты предупредили северокорейских коллег о приведении американских войск на полуострове в боевую готовность и реальной возможности нанесения США удара по КНДР. Это делалось для того, чтобы Пхеньян воздержался от неосмотрительных шагов. В дальнейшем советские дипломаты неоднократно напоминали северянам о необходимости серьезного и ответственного отношения к вопросам поддержания мира и стабильности в регионе и высказывали пожелание о том, чтобы руководство КНДР заблаговременно информировало советских дипломатов о серьезных инцидентах²⁴.

Одним из итогов кризиса с ЕС-121 стало создание Вашингтонской группы специального назначения²⁵. Также инцидент вынудил американцев ускорить работу²⁶ по планированию действий США в районе 38-й параллели в условиях непрекращающихся обоюдных провокаций. Актуальности ей придавали сведения ЦРУ, согласно которым в конце 1968 – начале 1969 г. Ким Ир Сен провел чистку в рядах высшего генералитета, устранив противников потенциальных авантюр во внешней политике²⁷.

¹⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX. Part 1 / ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan. Washington : United States Government Printing Office, 2009. P. 37, 40–41 ; Congressional Record – Senate. 1969. Vol. 115. Part 17. Washington : United States Government Printing Office, 1969. P. 22272.

¹⁹Росс. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 37.

²⁰Там же. Л. 121.

²¹Там же.

²²Там же. Л. 110, 112.

²³Там же. Л. 125–126.

²⁴Там же. Л. 125–126, 128–132, 137.

²⁵Вашингтонская группа специального назначения была создана в июле 1969 г. в качестве подразделения Совета национальной безопасности США. Ее задачей являлось обеспечение межведомственного взаимодействия в рамках правительства США в кризисных ситуациях. Группу возглавлял Г. Киссинджер (National Security Council Institutional Files (H-Files) / Richard Nixon President Library and Museum [Electronic resource] URL: <https://www.nixonlibrary.gov/finding-aids/national-security-council-institutional-files-h-files> (date of access: 13.10.2022)).

²⁶Korean Peninsula Clashes [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

²⁷Kim Il Sung Purges Probable Opponents of His Adventurism FOIA [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/reading-room/document/cia-rdp08s02113r000100050001-3> (date of access: 13.10.2022).

В марте 1969 г., еще до инцидента с ЕС-121, Р. Никсон решил придать своей политике на Корейском полуострове более системную основу и распорядился подготовить специальное исследование потенциальных угроз, каковыми признавались как полномасштабное вторжение Северной Кореи, так и односторонний военный ответ Южной Кореи на провокацию. Документ должны были подготовить сотрудники Государственного департамента США и Центрального разведывательного управления США. Общее руководство работой было поручено бывшему послу США в Корее У. Брауну. В 1969 г. он занимал пост заместителя госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона²⁸.

Первые результаты этой работы были получены к середине июня. Межведомственная рабочая группа разделила потенциальные непредвиденности на четыре типа: ограниченные враждебные акты КНДР в отношении США, ограниченные военные акты КНДР в отношении Республики Кореи, ограниченные враждебные акты Республики Кореи в отношении КНДР и полномасштабное нападение Северной Кореи на Южную. В зависимости от характера инцидента принимаемые американцами меры предлагалось начинать с требований возмещения ущерба и организации расследования силами Наблюдательной комиссии нейтральных стран. Политические шаги могли подкрепляться военными, к примеру активизацией разведки, демонстрацией силы или объявлением района инцидента зоной предупреждения. Стоит отметить, что американцы с самого начала рассматривали возможность интернационализации потенциального конфликта, в частности путем привлечения к его урегулированию Японии и СССР. При необходимости силовые меры могли принимать более жесткий характер, вплоть до обстрелов территории КНДР и организации рейдов диверсионно-разведывательных групп²⁹.

Ответные меры США на гибридные действия КНДР рассматривались в следующих вариантах. В случае если атака со стороны Северной Кореи приобретет характер нападения на американский корабль или самолет в нейтральных водах или воздушном пространстве, допускалось нанесение ответных ударов по территории КНДР, установление морской блокады и минирование северокорейских гаваней. В целях предотвращения эскалации конфликта признавалось необходимым привлечь СССР³⁰.

Если же в качестве целей северяне выбирали южнокорейские объекты, то рекомендовались более

мягкие меры, а применение военной силы или диверсионно-разведывательных групп признавалось эффективным лишь в случае масштабного инцидента. При определенных обстоятельствах американцы допускали возможность поддержки южнокорейских военных акций. Достаточными основаниями для этого считались захват северянами корабля в южнокорейских территориальных водах, атака южнокорейского аэродрома, наступление Корейской народной армии на Южную Корею силами не менее бригады или убийство президента Республики Кореи³¹.

Представленный документ был рассмотрен руководителями американских дипломатических и силовых ведомств на заседаниях Вашингтонской группы специального назначения в начале июля 1969 г. и активно дорабатывался в течение августа. Вместе с ним обсуждались подготовленные Объединенным комитетом начальников штабов США по указанию президента военные планы ударов по КНДР в случае возникновения новых инцидентов наподобие недавнего уничтожения ЕС-121³². По итогам совещаний было решено объединить усилия. Рабочей группе У. Брауна было поручено использовать планы Объединенного комитета начальников штабов США для разработки трех типов сценариев военного ответа на непредвиденные ситуации в Корее – силового вмешательства низкой, средней и высокой интенсивности³³.

В качестве наиболее жесткого варианта ответных действий рассматривался план удара по местам базирования военной авиации КНДР, дополненный опциями по уничтожению северокорейских электростанций и ключевых предприятий. Удар по электростанциям выглядел особенно привлекательным ввиду того, что, по данным ЦРУ США, ключевые объекты этой сферы в КНДР были удалены от населенных пунктов и являлись относительно несложной мишенью для авиации. Они отлично подходили для ограниченного, «хирургического» удара по Северной Корее. Согласно оценке директора Объединенного комитета начальников штабов США адмирала Н. Джонсона, для единовременного поражения 75 % сил Военно-воздушных сил КНДР требовалось порядка 1500 авианалетов силами тактической и стратегической авиации. При этом вероятность успеха подобной операции в Министерстве обороны США оценивали в 50 %³⁴.

В процессе обсуждения военных аспектов планирования Г. Киссинджер призывал коллег из администрации не забывать о ключевом, по его мне-

²⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 8.

²⁹Ibid. P. 57.

³⁰Ibid. P. 59.

³¹Ibid. P. 60–61.

³²Ibid. P. 50.

³³Ibid. P. 69–70, 75.

³⁴Ibid. P. 81, 84–85.

нию, уроке инцидента с ЕС-121: главное во время кризиса – предпринять именно те меры, которые позволят предотвратить деградацию ситуации³⁵. Поэтому большое внимание уделялось проработке политических аспектов каждого сценария. Было решено создать специальные приложения к планам, оговаривающие плюсы и минусы использования в интересах США Договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея и интернационализации конфликта через механизмы ООН.

В контексте программы укрепления региональной системы безопасности большое значение имел вопрос о предупреждении японцев относительно принимаемых в Вашингтоне кризисных решений. Было рассчитано, что с военной точки зрения предпочтительней предоставить японцам на реагирование 30 мин, с дипломатической точки зрения – 2 ч. В итоге было решено выбирать продолжительность отсрочки в зависимости от политической ориентации японского правительства в период кризиса.

В документ также был добавлен раздел с информацией о советско-корейском договоре 1961 г. На возникший у заместителя госсекретаря А. Джонсона вопрос о характере реакции США в случае нового инцидента с КНДР – будет она сдержанной или ожесточенной – ответ дал лично Р. Никсон. Президент высказался в пользу быстрого, яростного и решительного ответа на любую крупную северо-корейскую провокацию. В середине сентября 1969 г. отредактированные планы были окончательно одобрены Вашингтонской группой специального назначения, превратившись в один из ключевых документов, определяющих американскую политику на полуострове³⁶.

Несмотря на то что американцы допускали возможность ответных ударов по территории КНДР, наиболее значимой их составляющей по-прежнему была документально закреплённая сдержанность по отношению к провокациям. Утверждение планов хронологически совпало со снижением напряженности в корейской демилитаризованной зоне (с начала года количество инцидентов в регионе упало более чем на 80 %)³⁷. Приоритетной задачей США в Корее стало снижение уровня своего присутствия на полуострове³⁸. В Вашингтоне пришли к выводу о перефокусировке усилий Пхеньяна на тайную (вербовка агентов и организация конспиративных

ячеек) и политико-дипломатическую деятельность. С Северной Кореи стали поступать инициативы по организации обмена почтой, встреч членов разделённых семей, сокращению армий и заключению пакта о взаимном ненападении. В то же время неизменными оставались требования вывода иностранных войск с территории полуострова и отставки Пак Чон Хи. По мнению американцев, Северная Корея надеялась мирным путем ослабить международную поддержку южнокорейского режима и пыталась играть на естественном стремлении многих корейцев в Южной Корее к расширению и укреплению межкорейских связей³⁹.

Примером практического использования утверждённых в 1969 г. планов могут служить события, связанные с конфликтом вокруг северной разграничительной линии, которая продолжала демаркационную черту в корейской демилитаризованной зоне по акватории Желтого моря и де-факто являлась морской границей между Северной и Южной Кореей. Линия не являлась результатом какого-либо соглашения, была проведена американцами в 1953 г. в одностороннем порядке и не признавалась Пхеньяном.

В определенном смысле начавшиеся в 1973 г. события в районе северной разграничительной линии перекликались с историей инцидента с захватом корабля «Пуэбло» и представляли собой попытку легализации северянами 12-мильной границы своих территориальных вод. Лежащие в границах этой зоны острова⁴⁰ располагались существенно ближе к побережью Северной, а не Южной Кореи, однако по соглашению о перемирии 1953 г. находились под военным контролем со стороны командования ООН. В 1973 г. Пхеньян попробовал оспорить их принадлежность [2, р. 52].

Зондирование надежности военного контроля островов силами ООН началось во второй половине октября 1973 г., когда северо-корейские катера пересекли северную разграничительную линию. До декабря 1973 г. подобные инциденты повторялись 43 раза. Несколько раз северо-корейские суда нарушали трехмильную границу вокруг отдельных Северо-Западных островов.

В ЦРУ США считали, что многочисленные нарушения демаркационной линии являются попыткой Пхеньяна добиться уступок со стороны командо-

³⁵Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 87.

³⁶Ibid. P. 103–105, 107–108.

³⁷Ibid. P. 205 ; United States National, S. C. (1969). Korean program memorandum, final report [Electronic resource]. URL: <https://www.proquest.com/government-official-publications/korean-program-memorandum-final-report-pages-1-34/docview/1679044278/se-2?accountid=108701> (date of access: 13.10.2022) ; Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 168 (По сообщениям проживавших в КНДР советских граждан, в Северной Корее при этом сохранялась атмосфера военного психоза.).

³⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 117.

³⁹Ibid. P. 200, 205, 206.

⁴⁰В историографии известны как Северо-Западные острова.

вания ООН и внести раздор в американо-южнокорейские отношения. Требования КНДР в США рассматривали как незаконные. В итоге было принято решение не поддаваться на провокации, продолжать нормальное снабжение южнокорейских военных частей в районе конфликта, а также проинформировать власти СССР и КНР об американской обеспокоенности событиями у 38-й параллели⁴¹.

Истинные мотивы КНДР проявились к началу марта 1974 г., когда Пхеньян направил в адрес Конгресса США письмо с призывом к переговорам в целях снижения уровня трений. В КНДР исходили из идеи о марионеточном характере южнокорейского режима и считали, что переход к прямым переговорам с США с одновременным прекращением американской помощи южанам позволит решить проблему объединения страны. Отказ от данного предложения, по мнению северян, разоблачил бы нежелание Вашингтона видеть Корею единой. Ответа на данное письмо не последовало⁴² [2, р. 69–79]. Характерно, что американская сдержанность распространилась не только на враждебные действия северокорейцев, но и на попытки северян выйти на прямой контакт с Вашингтоном, поскольку и тот и другой подход Пхеньяна служили достижению од-

ной и той же цели – рассорить Сеул и Вашингтон и дестабилизировать ситуацию на полуострове.

Инциденты завершились к весне 1975 г. Однако и в 1976 г. американцы рассматривали район Северо-Восточных островов как одну из наиболее вероятных целей северокорейских провокаций. В Вашингтоне твердо поддерживали жесткую линию южнокорейских властей по защите находящихся под их контролем территорий от посягательств северян⁴³.

Алгоритмы ответных действий, разработанные в 1969 г., можно проследить и в реакции США на так называемый инцидент с убийством топором в 1976 г., в ходе которого двое американских военнослужащих были убиты солдатами Корейской народной армии при попытке срезать ветви тополя в объединенной зоне безопасности, закрывавшего обзор с наблюдательного пункта⁴⁴. Несмотря на первоначальное стремление американцев жестко ответить на убийство своих военнослужащих, принятые меры ограничились учениями стратегической авиации и уничтожением ставшего источником конфликта дерева. Более того, сами северокорейцы вызвались в одностороннем порядке отвести из южной части объединенной зоны безопасности свои посты и заграждения [20].

Заключение

В 1966–1976 гг. в ответ на северокорейские попытки вести гибридную войну американцы сумели разработать и применить на практике такие сценарии ответных действий, которые позволили минимизировать возможности эскалации конфликта и существенно ограничить свободу маневра Пхеньяна в реализации планов по восстановлению единства Кореи. К 1969 г. индикатором американского успеха в этом контексте стало постепенное прекращение использования северянами стратегии сознательного провоцирования напряженности в районе 38-й параллели, а также развертывание активной дипломатической деятельности по всему миру. В начале 1970-х гг. последняя была дополнена фокусировкой усилий КНДР на участии в межкорейском диалоге. Вспыхивавшие в этот период вооруженные

инциденты удавалось гасить при помощи отработанных в конце 1960-х гг. подходов.

Стоит обратить внимание и на то, что американское политическое планирование имело в своем распоряжении многовариантные планы действий на случай военной эскалации на полуострове. Однако ответные меры США были нацелены не на нанесение военного поражения противнику, а на предотвращение эскалации.

Сдерживание КНДР достигалось благодаря проявлению выдержки и применению адекватных ответных мер. Причинами выбора данного курса стала не только политическая воля руководства США, но и локальное военное превосходство КНДР, а также снижение напряженности в международных отношениях. В американских служебных до-

⁴¹Minutes of Washington Special Actions Group Meeting, Washington, December 4, 1973, 10:40 am – 12:02 pm // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-12 [Electronic resource] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d247> (date of access: 13.10.2022).

⁴²Telegram from Pyongyang to Bucharest, SECRET, Urgent, No. 060.180. April 22, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114085> (date of access: 13.10.2022) ; Telegram from Pyongyang to Bucharest, SECRET, Urgent, No. 060.127. March 24, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114084> (date of access: 13.10.2022) ; Letter from Government of North Korea. May 13, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114199> (date of access: 13.10.2022).

⁴³Study Prepared by the Office of International Security Affairs in the Department of Defense, Washington, undated // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-12. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d274> (date of access: 13.10.2022).

⁴⁴Предусмотренная соглашением о перемирии 1953 г. территория шириной 800 м, в которой проводились заседания Военной комиссии по перемирию. До 1976 г. вся она являлась нейтральной и по ней свободно перемещались представители обеих сторон конфликта.

кументах прямо прописывалась целесообразность привлечения СССР к урегулированию кризисных ситуаций с КНДР. С одной стороны, это позволяло оказать необходимое давление на северян, пусть в ограниченном масштабе, но прислушивавшихся к своим союзникам, которые были обеспокоены

региональной нестабильностью. С другой стороны, участие Москвы в проблемах отношений Вашингтона и Пхеньяна с нетождественной северокорейской позиции вбивало дополнительный клин в дружественные связи КНДР и СССР, и так не отличавшиеся абсолютным взаимным доверием.

Библиографические ссылки

1. Probst RR. *Negotiating with the North Koreans. The US Experience at Panmunjom*. Carlisle: US Army War College; 1977. 27 p.
2. Michista N. *North Korea's military-diplomatic campaigns, 1966–2008*. New York: Routledge; 2010. 276 p.
3. Mobley RA. *Flash Point North Korea. The Pueblo and EC-121 crises*. Annapolis: Naval Institute Press; 2003. 216 p.
4. Jackson V. *How to engage the enemy: the case for national security diplomacy with North Korea. Special report No. 479*. Washington: U. S. Institute of Peace; 2020. 24 p.
5. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. *Issue Alert*. 2015;4:1–2.
6. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
7. Комлева НА. Гибридная война: сущность и специфика. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2017;12(3):128–137.
8. Цыганков ПА. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2015;4:253–258. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-253-258.
9. Филимонов ГЮ, Данык НС. «Гибридная война»: интерпретации и реальность. *Свободная мысль*. 2017;3:17–24.
10. Белозеров ВК, Соловьев АВ. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе. *Власть*. 2015;9:5–11.
11. Ким Ир Сен. *Сочинения. Том 20. Ноябрь 1965 г. – декабрь 1966 г.* Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках; 1984. 573 с.
12. Jackson V. *Rival reputations: coercion and credibility in US-North Korea relations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 228 p.
13. Johnson LB. *The vantage point. Perspectives of the presidency. 1963–1969*. New York: Holt, Rinehart and Winston; 1971. 636 p.
14. Садаков ДА. *Дипломатия США и освобождение экипажа корабля «Пуэбло», 1968 г.* Киров: О-краткое; 2021. 136 с.
15. Юнгблуд ВТ. Непривычная роль: советская дипломатия между Вашингтоном и Пхеньяном в 1968 году. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1490–1502. DOI: 10.15826/qr.2021.4.651.
16. Brennock DJ, Lerner MB. The Pueblo incident: a spy ship and the failure of American foreign policy. *Naval War College Review* [Internet]. 2002 [cited 2022 October 15];55(4). Available from: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol55/iss4/19>.
17. Lerner M. A dangerous miscalculation: new evidence from communist-bloc archives about North Korea and the crisis of 1968. *Journal of Cold War History*. 2004;6(1):3–21.
18. Kissinger H. *White House years*. Boston: Little Brown Company; 1979. 1521 p.
19. Nixon RM. *The memoirs of Richard Nixon*. New York: Grosset & Dunlap; 1978. 1120 p.
20. Mobley R. Revisiting the Korean tree-trimming incident. *Joint Forces Quarterly*. 2003;35:108–115.

References

1. Probst RR. *Negotiating with the North Koreans. The US Experience at Panmunjom*. Carlisle: US Army War College; 1977. 27 p.
2. Michista N. *North Korea's military-diplomatic campaigns, 1966–2008*. New York: Routledge; 2010. 276 p.
3. Mobley RA. *Flash Point North Korea. The Pueblo and EC-121 crises*. Annapolis: Naval Institute Press; 2003. 216 p.
4. Jackson V. *How to engage the enemy: the case for national security diplomacy with North Korea. Special report No. 479*. Washington: U. S. Institute of Peace; 2020. 24 p.
5. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. *Issue Alert*. 2015;4:1–2.
6. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
7. Komleva NA. Hybrid warfare: its essence and specificity. *Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences*. 2017;12(3):128–137. Russian.
8. Tsygankov PA. «Hybrid war»: political discourse and the international practice. *Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science*. 2015;4:253–258. Russian. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-253-258.
9. Filimonov G., Danyuk N. «Hybrid war»: interpretations and a reality. *Svobodnaya mysl'*. 2017;3:17–24. Russian.
10. Belozеров ВК, Соловьев АВ. Hybrid war in the domestic political and scientific discourse. *Vlast'*. 2015;9:5–11. Russian.
11. Kim Il Sun. *Sochineniya. Tom 20. Noyabr' 1965 g. – dekabr' 1966 g.* [Works. Volume 20. 1965 November – 1966 December]. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House; 1984. 573 p. Russian.
12. Jackson V. *Rival reputations: coercion and credibility in US-North Korea relations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 228 p.
13. Johnson LB. *The vantage point. Perspectives of the presidency. 1963–1969*. New York: Holt, Rinehart and Winston; 1971. 636 p.
14. Sadakov DA. *Diplomatiya SShA i osvobozhdenie ekipazha korablya «Pueblo», 1968 g.* [US diplomacy and the release of the crew of the Pueblo, 1968]. Kirov: O-kratkoe; 2021. 136 p. Russian.
15. Yungblud V. An unusual role: Soviet diplomacy between Washington and Pyongyang in 1968. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1490–1502. Russian. DOI: 10.15826/qr.2021.4.651.

16. Brennock DJ, Lerner MB. The Pueblo incident: a spy ship and the failure of American foreign policy. *Naval War College Review* [Internet]. 2002 [cited 2022 October 15];55(4). Available from: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol55/iss4/19>.
17. Lerner M. A dangerous miscalculation: new evidence from communist-bloc archives about North Korea and the crisis of 1968. *Journal of Cold War History*. 2004;6(1):3–21.
18. Kissinger H. *White House years*. Boston: Little Brown Company; 1979. 1521 p.
19. Nixon RM. *The memoirs of Richard Nixon*. New York: Grosset & Dunlap; 1978. 1120 p.
20. Mobley R. Revisiting the Korean tree-trimming incident. *Joint Forces Quarterly*. 2003;35:108–115.

Статья поступила в редколлегию 29.08.2022.
Received by editorial board 29.08.2022.